

ЧЕГО только в кино не бывает.

Сцену играет один, поет за него другой. Большой, настоящий поезд падает под откос, а на самом деле это детский игрушечный паровоз скидывают на пол.

Впрочем, здесь нет ничего зазорного или обидного. Так делается кино.

Делается оно по-разному.

НА ЭКРАНЕ — Бурвиль. Вы узнаете его сразу по лицу, манере двигаться, смеяться, вы узнаете его по голосу. Ну, конечно, это он так растягивает слова, это он так флегматичен в разговоре, это его манера. А теперь закройте глаза и послушайте. Ну, конечно же, это голос Ростислава Яковлевича Плятта. Это он дублирует Бурвиля. Это Плятт разговаривает медленно и растягивает слова. Плятт, а не Бурвиль. Но вы смотрите на экран — и опять Бурвиль, а не Плятт растягивает слова и говорит медленно-медленно.

Вы, наверное, пробовали включить пластинку и встать перед зеркалом. Поет пластинка, а вы только рот открываете. Иногда получается почти синхронно.

Ну, а если текст не русский, а, например, английский. А вы артикулируете под английскую песню русским переводом? Не пробовали?

Попробуйте, а когда у вас ничего не получится, купите билет в кино и посмотрите, как это делают профессионалы.

ГЛАВНОЕ — это ритм. Ритм, в котором даже не столько говорит, сколько работает актер.

— Актер всегда подчинен ритму, и это вы сразу почувствуете, смотря любой фильм, — говорит Артем Карачетян, звуковой дублер. — Мне приходится за год дублировать около 50 фильмов. Большая практика. Я знаю уже, что в моем деле главное — не столько синхронность, сколько ритм. Впрочем, все это техника.

Творчество? Вас удивляет это слово, когда я говорю о своей работе. Где же здесь творчество, когда сам процесс озвучивания вроде бы требует совсем обратного — копирования?

Тогда послушайте, я расскажу вам один случай.

Мы дублировали югославскую картину «Любимчик командира». Было это в 1969 году.

Картина средняя, даже, скажем, плохая. Плохая она из-за своей нелогичности. Я имею в виду профессиональную нелогичность. То есть герой по сюжету добр, а ведет себя зло. Добрый не может в некоторых ситуациях фильма так говорить и так кричать. Зло.

Мы долго думали, что делать. Посмотрели фильм, и вышло так, что этот главный герой, который срывается на мелочах и всем вредит не действием, а голосом, по фильму должен быть

какой-то глубиной внутренней жизни.

Впрочем, здесь надо иметь чувство меры и не переборщить. В противном случае получится так. Актер движется, смотрит, жестикулирует по-своему, а голос дублера живет тоже по-своему.

Чаще всего мы дублируем хорошие картины с хорошими артистами.

Но даже если фильм очень хороший, трудности все равно не кончаются. Появляются новые.

НОВОЗЕЛАНДЦЫ смотрят свою новозеландскую комедию и, не переставая, смеются. Фильм привозят в Моск-

Но даже в очень простом фильме может быть западня.

Артист встает в позу и произносит: «Когда я был там, мне пришлось столкнуться с этим человеком». Заканчивая фразу, он показывает рукой в сторону. Если перевести именно так, то получится, что актер рукой показывает на человека. А человека на самом деле там нет. Он показывает рукой в сторону, когда говорит: «Я был там...»

И ТАК, я дублирую героя. Как мне быть? Кого мне в этом случае играть? Принца Датского, например, или артиста, который играет принца Датского?

В этом случае вступает в силу магическое «если бы» Станиславского.

Если бы я был Гамлетом, как бы я поступил? Если бы я был не я, а принц Датский Гамлет, как бы я поступил, если бы жил не в наше время, а в то? И — если бы я был не я, а артист, который играет Гамлета, как бы я поступил? И вот я дублирую, исходя из этого «если бы».

ДУБЛИРУЮТ фильмы тоже по-разному. Есть обычный способ, к которому мы все давно привыкли, когда дублируют каждого актера в отдельности.

Совершенно недавно появился новый — когда один актер озвучивает весь фильм.

Так было впервые, когда я один дублировал «Безумный, безумный, безумный мир». Вам вспоминается, наверное, много голосов. На самом деле это был один мой голос. Сейчас по телевизору вы, наверное, смотрите «Сагу о Форсайтах», когда также один Александрович дублирует всех героев.

Я САМ не очень много снимался в кино. И меня плохо знают по фильмам. По улице хожу спокойно: никто не дергает за руку. В трамвае не обращаются с вопросом: «Скажите, это не вы снимались в таком-то фильме?»

Но иногда все-таки меня узнают. В разговоре. Мой собеседник теряется и видно хочет спросить: «Это не вы играли в... том фильме?»

— Нет, не я играл. Я — дублировал.

Беседу записала
Н. ПОЛОВИЧНИК.

За кадром

Если бы я был не я, а принц Датский Гамлет

предателем. Но фильм кончился. И нигде не было даже и намека, чтобы режиссер задумал его так по сюжету.

И тогда мы сделали вот что. Мы сделали его заикой. Когда он кричит и ругается — на нашем, русском языке идет заикание. Лицо его в этот момент искажается гримасой. Теперь все понятно. А сюжета мы не меняли. Просто исправили ошибку.

Впрочем, это я говорил о плохом фильме.

Бывает, что просто какая-нибудь роль в хорошем фильме не совсем удалась. И здесь мы тоже можем немножко исправить положение. Актер, который играет холодно, равнодушно, без эмоций (играет так не потому, что роль такая, — актер плохой), может ожить, если его голос станет выразительным. И холодные глаза получают смысл, и каменное лицо; и может казаться, что вся эта холодность — не холодность, а сдерживаемая страсть. Бессмысленный становится умным, когда при помощи одного лишь голоса мы наделяем его

Добросовестно переводят, затем дублируют, и... зрительный зал — в полном недоумении. Почему кинокомедия? Никто ни разу не улыбнулся... А дело в остротах. Они специфичны, и даже не для одного народа, а для целого народа. Судите сами, в тексте есть такое место. Один герой говорит другому (предполагается, что это очень смешно): «У тебя нос мокрый». Ну и что? — спросите вы. А для новозеландца нос мокрый — значит — нос в рюмку смотрит. То есть про пьяницу говорили.

Это то же самое, как если бы советский фильм привезли за границу, а в нем такая, например, строчка: «Человек дошел до ручки». А новозеландец скажет: до какой еще ручки?..

КОГДА я дублирую, я имею право на свою интонацию, свой ритм, оттенок голоса, смещение акцента, имею право на больший или меньший темперамент, если мне кажется, что так будет лучше.